

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0029.01.01

Александр Паук
31 октября 2011 года
Таре #1

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию?
- Александр Паук.
- Какого вы года рождения?
- 7-го октября 1928-го года.
- Где вы родились?
- Родились в деревне Чахец, Пружанского района, Брестской области.
- Какое-то время тому назад, к Вам заезжали мои коллеги, и Вы рассказывали им о Ваших воспоминаниях связанных со второй мировой войной. В этот раз мы приехали, что бы заснять Ваши воспоминания на видео. Для начала скажите, пожалуйста, когда началась война в сорок первом году, где Вы проживали?
- Война началась 22 июня 1941-го года. Семья наша, в том числе и я, жили в деревне Чахец, Пружанского района.
- А сколько членов семьи было у Вас?
- Я и еще три младших мои сестры.
- То есть Вы старший?
- Да, самый старший.
- Вы были вместе с мамой, отцом?
- Да, были вместе, вся наша семья: отец, мать, я и трое младших сестер.
- В Чахце, у Вас в деревне, там жили евреи до войны?

- У деревне, на это время не было евреев, жили поляки.
- Поляки только жили?
- Поляки, в нашей деревне.
- Так я спрашивала Вас про то, жили евреи в вашей деревне?
- Нет. Не было. Не жили.
- Вы говорили, что евреи у Вас не проживали?
- Не проживали.
- А были какие-то знакомые евреи с других мест?
- Так. Было много знакомых евреев с города Пружаны.
- Где эти Пружаны находились?
- В Брестской области.
- А как далеко от вашей деревни эти Пружаны были?
- Так. 8 километров.
- Так сравнительно очень близко?
- Да. Много было знакомых.
- Вы помните кого-то по фамилии или именам?
- Многих помню, потому что отец мой, знал многих евреев в городе Пружаны и я туда часто приезжал. Ну знал допустим Юдзевичи.
- Юдзевичи это фамилия такая? Да?
- Да. Семья Юдзевичи, семья Коплан.
- А чем они занимались?
- По-разному. Одни, вот Каплан, имели в Пружанах свою паровую мельницу, лесопилку. Юдзевичи, позже стали уже, он моим учителем, а она была акушеркой, врачевала в роддоме, и многие другие. Неоднократно с отцом мы посещали и пивзавод, и другие места. Я даже посещал синагогу, поинтересоваться, что там делается. И магазины, в которых торговали в основном евреи.
- А чем ваш отец занимался?

- Отец в крестьянстве. Отец и мать крестьяне и работали на сельском хозяйстве, но свою продукцию надо было продавать. Продавали! Как правило, у Пружаны.
- И поэтому все эти отношения, знакомства?
- Да, поэтому стали знакомыми, они приглашали нас, мы им привозили и так далее.
- А Вы все время учились в Чахце или в Пружанах тоже?
- Нет, я сначала учился в Чахце, там начальная школа четырех классов, а дальше, после войны, я уже с седьмого класса учился в Пружаны. Пружаны Брестской области.
- Вы видели, что случилось с евреями в годы войны в Пружанах?
- Ну видел, что началась война, затем мой учитель, который был в деревне Чахец, он и его жена, дочь Сви, жена Регина и их родные, и как другие евреи Пружан, были согнаны в гетто. Я навещал несколько раз семью Юдзевич, привозил продукты питания. Мой отец тоже навещал своего друга Моисеевича, я буду именовать его Моша Юдзевич. В Пружанах приносил питание его семье.
- То есть, эта семья Юдзевич, муж и жена, были учителями в вашем селе, в деревне?
- Он был учителем, а она не работала пока, но жила тут с ним, в школе, где я учился, в деревне Чахец.
- Они сами не из деревни были? Из Пружан?
- Нет, из Пружан.
- Но они работали там?
- Они работали в деревне Чахец. Он учителем начальной школы, ну а она...
- Домохозяйкой?
- Домохозяйкой.

- У них была дочь?
- У них была дочь.
- Сколько лет примерно их дочке было?
- Родилась в 1939-м году, по-моему, 19-го декабря.
- Совсем маленькая дочка?
- Ну, два годика с чем-то.
- Вы видели, как их забирали из вашей деревни?
- Нет. Когда началась оккупация нашей территории, то школу в деревне Чахец закрыли. У школе разместился взвод немцау, целью немцау было поимка партизан. Что бы облегчить себе задачу, они издали указ, согласно которому, каждую ночь по десять человек селян должны патрулировать деревню и если обнаружат партизан, быстрее сообщить немцам. В это время, мой учитель, его жена находились в Пружанском гетто.
- Подождите, гетто организовали, получается сразу, как немцы вошли в Пружаны?
- Да! Сразу же, как немцы вошли в Пружаны.
- Буквально в первые дни?
- В первые дни. Только сначала не было колючей проволоки, был доступ более-менее свободным, а вот в дальнейшем уже появилась колючая проволока и так далее.
- А как они оказались в этом гетто, они сами туда пошли или их повели туда?
- Они приехали у Пружаны к своим родным.
- Это сразу как война началась?
- Сразу. Ну и оказались в гетто.
- Понятно. А вы это гетто, когда оно только сооружалось, Вы видели его?

- Видел. Обнесено проволокой колючей было.
- И что там было, расскажите?
- Можно было зайти туда в гетто, ну вот я ходил, носил продукты питания своему учителю и его семье. Часто мой отец навещал своего друга Моше Юдзевича, приносил еду семье.
- Что собой представляло гетто, когда еще не было обнесено колючей проволокой?
- Там сразу же в гетто образовалось еврейское самоуправление, Юденрад. Ну, на этот Юденрад возлагалась охрана жителей гетто и всего остального.
- То есть, Вы видели этот Юденрад, как люди служили? Как они выглядели?
- Сначала с Пружан, каждый день направляли много людей евреев к железной дороге, корчевать лес, чтобы партизаны не могли взорвать железную дорогу. Каждый день, там человек сто, а то и больше, утром шли туда – это 8 километров, а то и дальше – десять километров, а вечером назад. Их сопровождали свои, евреи с нашивками.
- А что за нашивка такая была?
- Точно я не могу сказать какая.
- Как она выглядела?
- Ну, какая-то на рукаве. Не черная, какая-то желтоватая такая, нашивка какая-то, ну как конвоиры, которые шли корчевать лес.
- Как Вы узнали, что именно евреи шли корчевать лес?
- Мы жили с краю деревни и видели, это я уже знал всех, многих евреев по Пружанам, да и национальности – поэтому.
- Как я правильно понимаю, узнавали каких-то конкретных людей?

- Узнавал этих людей и следовательно они еврейской национальности, после того как они шли с железной дороги, часто заходили к людям в дома, к нам приходили часто.
- А им разрешали?
- Разрешали.
- Они как бы заходили?
- Заходили, им давали: картошку, хлеб, что-нибудь, яйца. Позже они догоняли свой камвой и продолжали дальше.
- А в этом конвои только мужчины были или женщины?
- Мужчины, женщин не было. Мужчины.
- Это молодые мужчины или старые?
- Разные и старые, это первые месяцы, в 41-м году, там были и старые. Вот сейчас вспоминаю, даже немного психически больной.
- Вы помните его имя или фамилию?
- Помню, в его селе называли, его фамилия Иосель. Идет что-то себе говорил, говорил себе под нос. Забежит даже к нам. Кто что им даст. Картошки насыпим ему в мешок, хлеба, тогда сами пекли, взял и пошел. И многие другие.
- А как знали, что тогда это специальная охрана внутренняя еврейская называлась Юденрат?
- Ну вот узнал я тогда, как их называли. Сказали люди, что это еврейское самоуправление, ну и называли так, еврейское Юденрат – это право. Позже уже сообразил, что это значит, а так я не знал, как переводить.
- А тогда, когда еще не было ограждения вокруг гетто, тогда там тоже охраняли немцы или полицейские?

- Нет, нет. Ни немцы, ни полицейские, а в принципе, никто не охранял вначале, возлагалось на самоуправление. Там выделялись лица и охраняли.
- А какую площадь, приблизительно, занимало вот это гетто?
- Почти, понимаете, половину города Пружан. Половина города. Районы центр, насколько я так помню, что в Пружанах было более 90 тысяч евреев.
- Все это время из гетто евреи носили на себе какие-то знаки, опознавательные, отличительные?
- Эти, которые к железной дороге ходили, не носили.
- А люди внутри гетто носили?
- А внутри гетто, честно говоря, я не помню. Логически должны носить. Я не запомнил, я больше запомнил, что они ходили без знаков на груди.
- А потом когда они поставили забор вокруг или как они это оградили?
- Да, заборы с колючей проволокой. Это уже в следующем году.
- В сорок втором?
- Да.
- Это, не помните, была весна или лето, или зима?
- Не могу сказать, когда это все пошло, давно уже было.
- И какие заборы, что они представляли?
- Высокие заборы и обтянуты колючей проволокой.
- Были какие-то входы выходы, какие-то ворота?
- Да были ворота, куда можно было войти и выйти, в нескольких местах. В частности, помню, что ворота выход сюда, в сторону деревни Чахца большие ворота.
- И кто-то охранял эти ворота?

- Да, там свои стояли. Можно было получить разрешение у самоуправа Юденрата и зайти в гетто, чем воспользовался несколько раз отец.
- И он Вам рассказывал, что он видел и как?
- Рассказывал, что видел, более того, даже разрешили придти ему к зубному врачу, лечить зуб.
- И что он говорил после этого, как там внутри, какие условия? Как жили люди?
- Какие условия в гетто? Стесненные, очень стесненные, людям было там плохо.
- Он видел там Ваших, этих людей?
- Знакомых. К ним заходил не один раз, приносил тихонько еду, чтобы особенно не видели полицаи или немцы.
- А Вы, я так понимаю, не заходили ни разу после того, как загородили гетто?
- Не заходил. Я туда не заходил.
- И сколько времени, примерно, это гетто существовало там?
- Так, существовало гетто до 28-го января 1943-го года, 28-го января 1943-го года немцы начали перевозить и уничтожать узников гетто.
- Откуда Вы так хорошо помните дату?
- Я помню, затем он мне письма писал и так далее, по письму. Поэтому помню и число, и по записи в книге.
- То есть Вы прочли книги какие-то, мемуары?
- И книги тоже, мемуары. А Моше Юдзевич и его жена Регина, спрятались в подвале полуразрушенного дома.
- Это, когда стали вывозить?
- Когда стали вывозить. Там находились три недели, у подвале. И позже уже 17 февраля 1943-го года, ночью они выбрались из

подвала, и пришли в наш дом, в деревню Чахец. Моше постучал в окно. Увидели родители, кто это пришел, сразу же отец открыл им дверь дома. Моше попросил, что бы их спасли, укрыли от преследования немцов.

- Знаете, что я хочу спросить еще? Вы сказали, что стали вывозить из гетто, Вы видели что-нибудь, как вели их, вывозили машинами, слышали что-нибудь?
- Слышал то, что была команда, за пару дней до этого, как их евреев вывозили из гетто, чтобы в Пружаны, люди приехали на своих подводах. Таких подвод, не знаю сколько, пятьсот – шестьсот. Привезти этим подводы, что бы вывозить евреев из гетто.
- Вы сами лично слышали от людей, что им приказали идти с этими подводами?
- Слышал разговоры, приказали и там, и там. Людям ближайших деревень, явиться туда, и туда, на 28-го января .
- Из Чахца люди тоже поехали с подводами?
- Не могу сказать, не знаю. Но было и так. Мы немножко дальше 8 километров, а там ближайшие 2 километра, 3 километра. Вот этим людям было приказано точно.
- А потом, когда вывозили, Вы не видели эти подводы с людьми?
- Не видел.
- Знаете, куда их повели?
- Повезли в Оранчецы, где-то к поезду.
- Куда дальше не знаете?
- Не знаю. Я то позже знал. В Освенцим, в польский лагерь концентрационный. Аушов или как он называется?
- А через три недели, после этого случая к вам постучались эти ваши знакомые-друзья и вы говорили, что у Вас в семье было трое детей,

причем двое даже младше Вас. Ваши родители не боялись принять еврейскую семью?

- Как постучали беглецы в окно и попросили укрытие, отец сразу же открыл им дверь и упустил в дом. Моше Юдзевич спрашивает: «Что будет с нами?». Я слышал их разговор. Отец говорит: «То будет с вами, то и будет с нами. Ваша судьба такая же, как и наша». Родители – отец и мать, их четверо детей, со мной четверо, знали, что за укрытие евреев, могут всех расстрелять и не только их, а и их родственника. Впустили беглецов в дом, а позже их обогрели, накормили и отвели в сарай на сеновал. Вот сказали, я и моя сестра младшая Лидия, тайком, чтоб не знали соседи, не заподозрили не чего, носили скрывающимся у нас на сеновале: еду, воду, все необходимое для жизни. Для конспирации, в сарае сделали стойло для кабана, туда поместили кабана – это позволяло нам в любое время зайти в сарай, кормить кабана и смотреть за ним.
- А они были вместе с дочкой?
- Нет. Дочка уехала на гибель с родителями, с родными, то есть с бабушкой и дедушкой.
- То есть к вам пришли только двое муж и жена?
- Они скрывались только двое.
- А вы скрывались от ваших соседей, думая, что ваши соседи могли выдать вас?
- Обязательно! О том, что у нас находятся евреи, не знали не только соседи, наши родственники и даже мои две младшие сестры, так и не знали до конца войны. А то бы выдали. Так продолжалось многие месяцы, до тех пор, пока отец – звязной партизанского отряда бригады имени Чапаева, получил разрешения на присоединения Моше и Регины к партизанскому отряду. Не сразу все ж было.

Наконец получил разрешение. Отец рассказал, как найти партизан, нарисовал карту леса, а я с сестрой в одну из ночей, проводили Моше и Ргину в опушку леса. Выбрал время, когда проходила смена немецких постов, патрулирующая деревню и окрестности леса. И так Моше и Регина благополучно добрались до партизанского отряда и стали партизанами партизанского отряда имени Маленкого, бригады имени Чапаева и начали сражаться с оккупантами.

- Сколько, приблизительно, времени они провели в Вашем доме?
- Моше Юдзевич говорит, что месяц, то есть с 17-го января 43-го по 17-го февраля 43-го. Мы же, я помню, что они были у нас много месяцев и как я помню, что они ушли от нас 7-го ноября 43-го года.
- То есть разные воспоминания?
- Да, разные воспоминания. Не помню, сколько они у нас были, но они храбрые люди, молодцы.
- Вы говорили, что пытались так серьезно оберегать Ваш секрет, потому что очень опасно?
- Очень.
- Вам известны случаи, когда местные жители предавали спрятанных евреев или другие случаи, что поляки, белорусы, украинцы были убиты из-за этого?
- Лично я не видел, как немцы уничтожали евреев, но слышал неоднократно, как гестапо расстреливали партизан, евреев и людей, укрывающих евреев. Это такие случаи были у Пружаны, затем у других городах, Пружанского района, где за укрытие евреев расстреливали целые семьи.
- Были такие слухи, люди говорили об этом?

- Были такие. Я вспоминаю такой случай, который произошел в нашей деревне, после войны - это уже стало известно всем, а так первые месяцы оккупации многие жители деревень, в том числе и наша деревня, брали к себе в дом военнопленных. Их отпускали.
- Советских военнопленных?
- Советских военнопленных, солдат, офицерау. Немцы расстреливали только комиссаров и членов партий. Много таких людей в нашей деревне. Вот в одном доме, вспоминаю было два таких, Курман и Тургун.
- Это их фамилии такие?
- Или фамилии такие, не знаю. Из Казахстана. У нас, в нашем доме, была одна осуждена принудительно, прынуда, принудительные работы, Анастасия, ну взяли помогать по дому. У моей тетки, взяли из Саратова какого-то. Даже один офицер пристал, в прымаки, как мы говорим, к одной сумасшедшей, бесноватой, и такое было. И вот один, по фамилии Дыба Павел, житель Чахца, тоже взял к себе домой капитана летчика. Я его, как сейчас вспоминаю, высокий, стройный, с рабинками на лице. Этот оказался предателем. Дыба Павел был связан с партизанами. Мы его хорошо знали, он нас. Его фамилия и моего деда по матери, даже одинаковые – Дыба, родственники какие то. Так вот этот предатель выдал Дыбу Павла. Приехали жандармы, пришли к ним домой, и он по чистой случайности спрятался, в соломе. Не нашли! Забрали жену, пять детей, с одной самой старшей Валентиной, я учился, сидел за одной партой, где учитель был Моше Юдзевич, и отвезли у Пружаны, в городок, в военный городок и расстреляли всю сямью. Это я свидетель.
- Они расстреляли их там публично?

- Туда отвезли и там расстреляли. Я не видел, но так сказали, что там расстреляли.
- Потом их семья хоронила или не знают даже где они?
- Неизвестно где и что. Сказали, что там расстреляли.
- Просто пропали и больше не вернулись?
- Просто сказали, кто знал, что их расстреляли, Дыба Павел потом ушел в партизаны и стал партизаном, начальником одного из отряда. Вот это я могу засвидетельствовать, что было. Так, Слышал много раз, что гестаповцы расстреляли евреев и семьи те, кто их спасали, но сам не видел.
- Вы слышали такие случаи, когда евреям, из Пружан, или других мест, когда удавалось спастись, спрятавшись у кого-то из местных?
- Это опять из книги и что мне говорил Моше Юдевич. Что мы знали, что из Пружан, некоторые евреи ушли в лес к партизанам, знали это. Но что с ними было? А оказалось, что не далеко от Пружан девять евреев партизан были расстреляны немцами по своей глупости. У одного из мужиков взяли корову, зарезали ее и тушу повезли в лес к своей землянке. По крови немцы обнаружили их и там расстреляли. Они особо не охранялись – это мне известно.
- Скажите, пожалуйста, а что случилось со всем имуществом, евреев из Пружан?
- Имущество их немцы куда-то вывозили, другое имущество разворовали мещане, жители Пружан.
- А вы видели, как немцы вывозили это имущество?
- Не видел.
- Откуда вы знаете?
- Вот так было. Даже видели, как мещане там грабили все.
- И что они вывозили?

- Что не знаем, что лучше вывозили. И то там так говорили, что немцы вывезли основное ценное, а не ценное уже разворовали мешане. Я после этого сам зашел в Пружаны посмотреть на эту разруху. Зашел в синагогу. В синагоге разруха, на полу валяются бумаги какие то, кубики, в которых какой-то папирус для молитвы. Но это я сам лично не брал, там нельзя брать. К тому же мало, что осталось, разграбили.
- А Вы видели, как грабили эти местные, как они брали?
- Нет, не видел. Слышал. Слышал, что вот то и то, наши говорят, что-то забрали, то эти забрали.
- Какие вещи брали, например?
- Все что можно было. Вот что там было. Могут и дрова, и доски, и одежду, ну вот что можно было. Окна выдирали, что можно было забрать из дома, то и забирали.
- После войны в Пружанах оставались евреи?
- Так, позже приехали несколько семей евреев – это позже, после войны. Так вот одна семья, ну давайте так. После войны Моше и Регина поселились в городе Кобрине, Брестской области. Он стал директором в средней школе Кобринской. Она работала в родильном отделении Кобринской районной больницы. У них родилось двое детей Виктор и Габриэль.
- А девочка их маленькая?
- Погибла вместе с родными.
- Так. В 1947-м году семья Юдзевич эмигрировала в Израиль, а потом в Соединенные Штаты Америки. До 1973-го года мы переписывались, а затем под запретом местных властей переписка была приостановлена с нашей стороны. И только в 1993-м году по инициативе Моше Юдевич переписка восстановилась. Далее, Регина

в 70-х годах умерла. Моше Юдевич женился повторно, затем сменил фамилию на Морис Сорыд и живет в настоящее время в своей квартире, в Нью-Йорке. Имеет много внуков и правнуков. В феврале этого года 2007-м, ему исполнилось 100 лет. Он находится в относительно хорошем здравии и ясном уме. В 2007-м году вышла из печати его книга мемуаров под названием «Одно большое чудо». Один экземпляр мемуаров он мне прислау.

- Я еще вот что хочу спросить, в те годы военные, Вы видели, когда где нибудь повешенных людей или убитых людей, или как арестовывали, как избивали людей любой национальности?
- Лично я не видел, как арестовывали, как расстреливали. Ну, было как арестовали мою маму.
- Вашу маму?
- Мою маму.
- За что арестовали?
- Пришли в наш дом полицаи. Забрали, повезли в Пружаны. Подержали пару дней, отпустили. За что? А не за что! Прыехали в деревню, поймали кого, кого поймали – арестовали. Причины никакой не известно. Так что лично я не видел.
- Еще такой вопрос, про этих советских военнопленных. Вы говорили, что часть отпускали, как бы по домам. А были и те, которых держали, как в изоляции, которых где-то закрывали, или Вы не знаете про таких?
- Они находились в лагере для военнопленных, в городке недалеко от Пружан, а дальше не знаю, куда их эвакуировали.
- В каком городке это было?
- Около Пружан, называется военный городок.
- Просто военный городок?

- Ну, военный городок, там когда-то были воинские части Польши, а затем Красной армии, ну и тогда уже и немцы там находились.
- Там содержали их под стражей?
- Там позже их эвакуировали.
- А долго их там держали?
- Не могу знать.
- Не можете. Вы этот городок не видели, этот лагерь?
- Видел и сейчас там езжу
- Но когда там держали военнопленных, Вы не видели?
- Не, не заходил, не видел там. Но можно было, как рассказывали, что можно было придти к охране, дать им сало, яиц, масло и можешь забрать себе несколько человек домой. Так и делали.
- Охраняли там немцы?
- Немцы.
- А вы когда-нибудь видели конвой с военнопленными?
- Нет, не видел.
- Никогда.
- Не было, не шли около нас.
- Хорошо. Вы не знаете, в первое время войны или в первые военные месяцы, коммунистов тогда не убивали? Коммунистов, комсомольцев?
- Тоже не видел, но слышал, так оно и было. Расстреливали немцы пленных, коммунистов, комиссаров.
- Это такие разговоры шли?
- Такие разговоры.
- Но конкретных случаев Вам не известно?
- Нет.
- А не слышали про цыган, их расстреливали тогда?

- Разговоры были, что такой участи достигли и цыгане. И цыган расстреливали, но я не видел.
- Понятно. Спасибо Вам большое. Мы закончим здесь.
- Пожалуйста.
- У меня будет еще несколько вопросов, если можно, к Вам?
- Пожалуйста.
- Я хочу вернуться к тому периоду, когда ваши знакомые евреи, они спрятались у Вас в доме. Я хочу спросить, какие отношения были между вашими членами семьи и ими?
- Отношения нашей семьи и Моше, Регины были дружескими. Им приносили еду, воду, предметы ухода и все необходимое.
- Вы помните, какие-нибудь истории, какие-то маленькие или какие-то специфические воспоминания, которые остались у Вас в памяти связанные с тем временем, когда они прятались у Вас?
- Вспоминаю такой случай, что пришли в сарай немцы, забрались на сеновал высоко и металлическими штырями.
- Щупали, просматривали?
- Щупали сено. Вспоминаю такой случай. Но они спрятались глубоко туда в сено, сверху насыпано, никто не чего не обнаружил. Каким образом, или кто-то догадывался, кто сказал, или как, вот такое вспоминаю. А так получалось, что вот сестра принесет яду, я беру лестницу, ставлю ее высоко туда на сеновал и в ведре спускаю, еду, воду там и так далее, а оттуда забирали все, что там необходимое. Это я этим, а не моя сестра младшая занималась – это на меня было возложено все, забрать еду, воду и забрать оттуда продукты жизнедеятельности.
- Вы когда-нибудь видели, когда они выходили оттуда?

- Нет, я не видел. Они выходят там ночью, днем то ясно, что не выходили. А ночью если и выходили, то я этого не видел.
- Поэтому в принципе, Вы там не общались совсем?
- Ну, я занясу, поговорим там тихонько, забрал и пошел. Отец так приходил вечерами, забирался туда и вели с ними разговоры.
- Так ваш отец все-таки заходил?
- Да, ведь возможно и каждый день, каждую ночь. А возможно и днем, когда тут можно было закрыть снаружи или мы подсматривали, чтобы никого нигде не было. А я так, то еду, то поговорим, как что и все.
- О чем вы разговаривали?
- Они спрашивали: «Что там у вас?». Ну, вот расскажу там, что немцы приходили, партизаны, тут гестапо приезжало, люди удирали, и приезжало не один раз, хотело жителей уничтожить. Но все вроде обходилось спокойно. А почему так? Потому что комендант, вот этого взвода немцау – майор, как я сейчас помню, с черным крестом на груди и без левой руки, не умел разговаривать ничего на русском, но сразу идет к начальству гестапо, что-то там говорят, говорят – это я сам слышал, что «Уезжайте отсюда», и те уезжали. Как это случилось, тоже могу рассказать, что я тогда знал. Партизаны взяли коменданта в плен. Два дня держали там и сказали: «Смотрите, чтобы все было тихо крыто в деревне и если расстреляют жителей, то мы Вас тоже сразу расстреляем». И отпустили. И они – немцы, ходили по деревне с собаками, насвистывали, не боялись.
- Но это все известно вам от других по рассказам?
- Нет, это я сам видел.
- Вы же не видели, что их забирали партизаны на два дня?
- Так позже мне партизаны говорят.

- То есть с рассказов?
- Все с рассказов. Вот сам видел, что к одной женщине приходил немец Отто звали, не знаю фамилии. Приходил немец, а тут на улице повозка, в повозке лежит партизан. Этот подошел к партизану, но тот не видел, думал, что будет борьба и выстрелил в него. Выстрелил и пуля прошла через дом и в другом противоположном доме, на кровати убило мужчину и мужчину знаю я. Вот бежит этот Отто, это было от нас через дом, и кричит: «Бандиты! Бандиты!». И побежал туда. И через полчаса, не знаю, может через 45 минут пришли немцы туда. Так туда- сюда посмотрели, нет бандитов, и пошли. Позже этого Отто отправили на фронт, таких дураков держать не стали. Это я вам рассказываю то, что видел.
- А какая фамилия или имя этого мужчины, которого убили?
- Я знал, но не помню.
- Ничего страшного.
- Убили, хоронили. Это я уже видел.
- Я хочу спросить, после войны Моше и Регина, после того как они отправились жить в другой город, Вы с ними поддерживали отношения?
- Поддерживал отношения. Встречался с ними. Он приезжал к нам. Это примерно от Пружан 30 километров.
- И они приезжали к вам в гости?
- Да, приезжали и не один раз. Разговоры вели и так далее. И даже меня спрашивали меня: «Вот собираемся ехать в Израиль, как вы?». Я говорю: «Смотрите сами, вам виднее. У него вроде и должность неплохая, директор Кобринской средней школы». Они: «Мы вот поедem». Говорю: «Ну, езжайте!»

- И когда вы встречались, были разговоры о войне, разговоры о том периоде, когда они находились в вашем доме?
- Обязательно! Вспоминали. Прошлые события. Ну, вот так. Кто что рассказывал, уже меньше, уже мирное время. Как жизнь, как ваша, как наша – вот так.
- А ваши родители в то время навещали их там?
- Он был в Кобрине.
- Он навещал?
- Да, навещал. У них там домик уже, ну квартира. Навещал родителей.
- После того как они уехали в 47-м году, Вы сразу начали переписываться?
- Сразу. Сначала письмо пришло от них из Варшавы из Польши, эмигрировали через Польшу, за тем несколько писем из Тель-Авива, я читал их. А затем уже с Нью-Йорка в районе Бруклина, писал письма как он там и что. Так до 1973-го года, а затем я стал под давлением местных властей, переписка с нашей стороны была прекращена.
- А вам сказали просто не писать?
- Не писать, не получать не писем, ничего. Более того, меня с 3-го курса минского мединститута исключили за то, что я в автобиографических данных, в автобиографии при поступлении в ВУЗ скрыл, что за границаю имеются родственники. Это касалось вот Моше Юдзевича и Регины.
- Разве они родственники?
- Да никакие не родственники! Да это, чтобы навредить! Навредить мне, вот видите, что делали и исключили, несколько месяцев я не был студентом. Куда не бился, во все инстанции Минские, в Москве о восстановлении. Сказали, что ничего не будет. Нет, добился.

- То есть Вы доказывали, что не родственники вы?
- Что не родственники, а просто спасенные нами люди. Поэтому, я не писал в автобиографии, что у нас за границей есть родственники. Вот так вот получилось. Поэтому пришлось мне доказывать это и в администрации мединститута, и у министров здравоохранения, председателях верховного совета СССР, и у председателя министров, и у председателя ЦК, и у председателя Шверника, и у приемной Сталина. Через 11 месяцев послали туда в деревню, поглядели, что я не враг народа и восстановили.
- Когда вам говорили, чтобы приостановить переписку, Вас вынудили написать какое-то письмо им, чтобы они прекратили писать или Вы просто автоматически перестали?
- Сказали: «Не отвечайте на письма».
- Так вы перестали отвечать на письма?
- Да, перестали отвечать на письма, те поняли, в чем дело, он же понимает, был тут, знает, что за система.
- Спасибо большое.
- Пожалуйста.
- Пожалуй, уже все.